

УДК 81'373.6:81-13+81'282.2

ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДА РЕКОНСТРУКЦИИ В ИСТОРИКО-ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ¹

Мария Владимировна Богачева

доцент кафедры русского языка

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15, bomaripgu@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос методологии в диахронической лексикологии. Анализируются заявленные в отечественной исторической лингвистике методики восстановления лексики, разработанные применительно к различному материалу и рассматриваемые автором статьи как методики реконструкции слов. Предлагается методика реконструкции лексики на базе имен собственных, обобщающая имеющиеся наработки, а также опыт и наблюдения автора статьи. На примере ойконимии Пермского края комментируются этапы реконструкции, раскрываются возможности методики.

Ключевые слова: реконструкция; историческая лексикология; ономастика.

«Реконструкция» – термин, имеющий закрепленное длительной традицией употребления смысловое наполнение. Согласно устоявшейся точке зрения, применение метода восстановления лексики – прерогатива этимологии, то есть учения о *происхождении* языковых состояний. Часто допускается чрезмерное упрощение понятия, при котором отдельные лингвисты склонны сводить его всего лишь к воссозданию праформ (архетипов).

Считаем, сложившееся понимание термина необоснованно сужает область применения метода реконструкции, который оказывается весьма продуктивным в исследованиях иного, не этимологического плана, выполненных в рамках исторической фонетики, исторической лексикологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики и др. Требуется корректировка толкования данного термина, что позволило бы, прежде всего, узаконить положение реконструкции как метода диахронического языкознания и современной лингвистики в целом, а кроме того, снять с исследователей, оперирующих термином, обвинение в некомпетентности.

Данная точка зрения нуждается в специальном теоретическом обосновании, которому могла бы быть посвящена специальная статья. В настоящей работе мы сосредоточим свое внимание на проблемах исторической лексикологии и покажем, что указанный метод фактически находит свое применение в диахронической лингвистике,

хотя исследователи в силу различных причин обычно предпочитают избегать термина «реконструкция». В качестве сравнительного материала привлечем ойконимию Пермского края по данным наиболее полного справочника «Список населенных пунктов Уральской области» (Свердловск, 1928).

Оговорим основные положения, на которые мы опираемся.

1. В нашем понимании, реконструкция – в историческом (диахроническом) языкознании комплекс приемов и процедур, направленных на воссоздание и систематизацию языковых состояний, форм, семантики, явлений письменной эпохи путем сравнения коррелятивных единиц отдельного языка, функционировавших в различные периоды его существования. Ср.: «Реконструкция – в сравнительно-историческом языкознании комплекс приемов и процедур воссоздания незасвидетельствованных языковых состояний, форм, явлений путем исторического сравнения соответствующих единиц отдельного языка, групп или семьи языков» [Нерознак 1990: 409]. Но основная цель реконструкции в этимологии – «установление происхождения слова и его генетических связей с соответствующими словами других родственных языков» [Будагов 1958: 66]. Цель реконструкции в исторической лексикологии – восполнение сведений о языковых состояниях того или иного периода, почерпнутых из письменных свидетельств.

Конечным результатом использования данного метода видится смыкание этимологических и историко-лингвистических наработок (в определении О.Н. Трубачева, «продуктивное сращивание исторической лексикологии и этимологии») и воссоздание лексикона различных этапов его развития на протяжении всей истории существования языка.

2. Применительно к диахронической лингвистике, в отличие от этимологии, требуется двойное понимание термина «реконструкция»: в узком смысле это воссоздание *незасвидетельствованных* фактов языка, в широком – восстановление и зафиксированных в отдельных источниках, и не зафиксированных, но существовавших языковых единиц.

Поясним: здесь возможна реконструкция четырех групп лексики.

1) Лексика, воссоздаваемая с опорой на письменные свидетельства, идентичная лексике памятников и исторических словарей русского языка времени формирования привлекаемого материала (в случае с ойконимией Пермского края – XI-XVIII вв.).

2) Лексика, отсутствующая в письменных свидетельствах соответствующих эпох (в силу случайности данного факта, жанровой специфики памятника письменности и т.п.), но зафиксированная в свидетельствах более поздних языковых состояний (в нашем случае – XIX-XX вв.).

3) Лексика, не зафиксированная ни в одном из специальных источников, гипотетически реконструируемая с опорой на слова, имеющие фиксацию и близкие по своему фонемно-графическому комплексу, словообразовательному либо морфемному составу, предположительно – по семантике.

4) Лексика, не имеющая зафиксированных аналогов, реконструируемая лишь формально, но не семантически.

Первая и вторая группы служат дополнительным свидетельством функционирования реконструированной лексики в тот или иной исторический период. Третья и четвертая группы гипотетичны (и в разной степени верифицируемы) и объединяют единицы, ранее не известные лексикологам; в этом случае историко-лексикологические наработки сближаются с этимологическими.

3. Лексико-семантические этимологии (главным образом онимов), представленные в многочисленных статьях и целом ряде словарей топонимов, фамилий, имен, мы склонны рассматривать в качестве образца реконструкций, несмотря на то, что цель изысканий здесь – восстановление не некоего праязыка и его праформ, но более поздних состояний языка, его единиц.

В соответствии со сказанным выше особенно значимым видится высказывание В.П.Нерознака, автора статьи «Реконструкция» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (особенно важные в настоящем случае фрагменты выделены нами курсивом): «...основной смысл реконструкции состоит в наиболее адекватном и непротиворечивом раскрытии поэтапного развития и исторического изменения частных подсистем и системы в целом языков, входящих к единому источнику. Поэтому *реконструкция праязыка не является самоцелью*, т.к. она *включает решение* и таких *общелингвистических задач*, как построение теории эволюционного развития языка, историческое описание уровней языка (диахронические фонология, морфология, синтаксис) и межуровневый (диахроническая морфонология, диахроническое словообразование и т. д.), диахронический анализ процессов дивергентного и конвергентного развития отдельных языков и др.» [Нерознак 1990: 410]. Подчеркнем отсутствие диахронической лексикологии в ряду указанных здесь диахронической фонологии, морфологии и синтаксиса. Данный факт мы рассматриваем как повод для активизации исследований в данной области.

Отраженный выше взгляд на метод реконструкции лексики приводит к столкновению с важными теоретическими и практическими проблемами и к необходимости их преодоления.

Одна из них – **поиск источников** пополнения сведений об исторических состояниях языка. Особое значение приобретают имена собственные (далее – ИС, онимы), в которых отражена лексика, имевшая хождение в период формирования онима, нередко уже исчезнувшая из языка в современном его состоянии (своего рода реликты). Считаю закономерным, что именно этимологи первыми обратили внимание на высокую информативность онимов (Г.П. Смолицкая, В.Я. Дерягин, Ю.С. Азарх и др.). Особенно горячо отстаивал перспективность привлечения ИС О.Н. Трубачев, ср., например: «Резервы самой богатой древней письменности исчерпаемы, в особенности, если интересы исследователя обращены в дописьменное время. Здесь вступают в силу косвенные резервы, в том числе письменность на других языках. Правда, возможности углубить историю древнерусской лексики таким путем довольно скудны... Гораздо более информативен другой резерв реконструкции древнего состояния лексики – ономастика всякого рода (топонимия, гидронимия, антропонимия, этнонимия). Замечено, что восточнославянская топонимия и гидронимия славянского происхождения обнаруживает репертуар лексических основ, подчас отсутствующих в известной восточносла-

вянской апеллативной лексике [Трубачев 1982: 159 и сл.]. Это наводит на мысль, что первоначально эти лексические основы имелись и в древнерусском нарицательном лексическом составе, но потом выбыли из него и сохранились лишь на такой периферии словаря, каковой является ономастика» [Трубачев 1994: 9].

Поскольку фамилии и топонимические подсистемы отдельных регионов формировались достаточно поздно, ИС могут стать источником бесценной информации о лексиконе русского языка не только в древности, но и в письменный период, а это область интересов исторической лексикологии, но не этимологии. Кроме того, любое зеркало (не важно, насколько оно старо) предполагает искажения отражаемого, и процедура восстановления («реконструкции») первоначального образа подчас оказывается весьма сложной и трудоемкой; проблема достоверности результатов в диахронической лингвистике оказывается не менее актуальной, чем в этимологии.

Замечено: степень информативности ИС различных типов и качество информации, заложенной в них, различны. Так, гидронимы нередко имеют не просто многовековую, но «многотысячелетнюю» историю: миграционные процессы редко затрагивают состояние системы гидронимов (по крайней мере, крупных таких объектов), названия водоемов обычно наследуются от субстратного населения. Ср.: в Пермском крае гидронимия свидетельствует, что исконным населением были коми, вытесненные впоследствии на северо-запад, так как по всей территории, в том числе в «русской» и «тюркской» ее частях, распространены наименования рек коми по происхождения (типа *Сылва, Колва, Язьва, Мойва, Сива, Лазьва, Косьва, Мытчер, Шотчер, Синяшор, Палашор* и т. п.). (Не случайно, очевидно, что этимологи прежде всего обратились в своих изысканиях именно к гидронимии). Ойконимическая же система Пермского края более молода, поскольку это территория позднего заселения русскими: они начали проникать на Западный Урал с XI в., поселения стали основываться не ранее конца XIII в. Иными словами, здесь возможно восстановление лексики русского языка письменной эпохи.

Сравнение же топонимов и антропонимов в нашем случае будет говорить в пользу первых: географические названия имеют явное преимущество перед фамилиями, выражающееся в наличии четкой пространственной привязки, в то время как фамилии беспрепятственно распространяются в пределах всей страны вместе с их носителями.

Наиболее важной является проблема **достоверности реконструкции**² (верифицируемости

получаемых данных). «Точность хороших реконструкций в этимологии бывает достаточно высока, и все же она допускает неединственность решений, что неизбежно для каждой объясняющей, а не описательной науки. В конечном счете все решает точка зрения исследователя» [Трубачев 1988: 200]. В равной степени данное высказывание применимо к историко-лексикологическим работам.

Проблема достоверности реконструкции сопряжена со всеми затруднениями, возникающими в процессе восстановления слов, и обусловлена ими. В частности, непосредственно с ней пересекаются проблемы, вызванные историческими подвижками в языке, поскольку «история языка – практически бесконечный поток изменений, в которых переплетаются закономерность и случайность, усложнение и упрощение. Все уровни, все области, функции и явления этого живого организма подвергаются изменениям...» [Кара 1988: 113].

Топонимы, используемые в качестве источника реконструкции, имеют свою специфику, как ИС. «В любом географическом имени присутствует или присутствовало конкретное содержание, но нередко оно оказывается утраченным» [Никонов 1965: 4]. Исторически все собственные имена связаны с апеллативами, поскольку главной функцией первых всегда была функция идентификации. Разумеется, для этого использовалась лексика, подчеркивавшая какое-то особое качество, свойство, присущее именно этому предмету, причем данное словесное обозначение должно было быть общепонятным. Но имена собственные, в отличие от нарицательных, менее подвижны, так как изменениям мешает функционирование их в речи в качестве самостоятельных единиц, и со временем это приводит к утрате первоначального, конкретного, значения. В дальнейшем изменения проходят только на фонетическом, словообразовательном, морфологическом уровнях.

В максимальной степени динамичность присуща нарицательным словам, которые составляют большую часть исходных производящих основ географических названий и пришли в топонимию посредством отапеллативных прозвищ, географических терминов и др. Наслоение собственно лингвистических и экстралингвистических факторов приводит к накоплению лексем и к возникновению омонимии и полисемии. Подобные явления говорят о богатстве данного языка, но вместе с тем затрудняют исследование словарных единиц в плане их исторического развития.

Понятие «изменчивость языка» неизбежно сопрягается с таким явлением, как говоры (диа-

лекты). Те, проходя свое развитие параллельно с литературным языком, лишь отчасти соотносятся с ним. В результате говоры в чем-то отстают, в чем-то опережают его. Лексемы, функционируя на разных территориях, приобретают новые значения и утрачивают бывшие некогда общерусскими, меняют форму.

Как следствие, привлечение современных лингвистических фактов (литературного языка и его диалектов) при реконструкции лексики прошлых эпох может дать неточные результаты. Все это диктует оговоренную выше необходимость применять *исторические* сведения, наиболее близкие по времени фиксации периоду возникновения ойконимов.

Важен вопрос о **рамках (степени исторической глубины) реконструкции лексики**, поскольку процесс вхождения нарицательного слова в ИС (а значит, и процесс реконструкции апеллатива на основе ИС) является многоступенчатым. Специфика метода обуславливает взаимопереходность историко-лексикологического и этимологического уровня анализа.

В конечном счете границы работы по восстановлению слов должны определяться целью и задачами исследования.

Например, на основе ойконима *Распопово* возможна последовательная реконструкция следующих лексем: 1) фамилии *Распопов*, 2) прозвища *Распоп*, 3) апеллатива *распоп* 'священник, лишенный сана' [Д: IV, 70; СПФ: 318-319], 4) апеллатива *поп* и далее. Если целью является восстановить нарицательную лексику, антропонимы (фамилия и прозвище) исключаются из сферы внимания. Реконструируется апеллатив *распоп*, **непосредственно** послуживший основой для формирования ИС.

Для сравнения: ойконим *Лепихина*, очевидно, восходит к апеллативу *лепиха*, опосредованному прозвищем *Лепиха*. С опорой на этимологически близкий глагол *лепиться* 'возиться с какой-либо работой, корпеть над чем-либо' [СРНГ XVI: 365; СПФ: 214] восстанавливается семантика нарицательного имени – 'медлительный человек' [СПФ: 214]. Глагол является лишь источником данных для сопоставления (выявления семантики), но не целью реконструкции как мотивирующей основы топонима.

Однако многоступенчатая реконструкция представляется целесообразной, если восстанавливается слово, не зафиксированное ранее. Более того, в целом ряде случаев без обращения к предшествующему звену словообразовательной цепочки реконструкция слова или переносного лексико-семантического варианта (ЛСВ) в принципе невозможна.

Например, не раскрыв семантики мотивирующего слова, часто нельзя восстановить значение переносных ЛСВ слов, характеризующих человека. Так, на основе ойконимов *Гунина*, *Гуниччи* восстанавливается лексема *гуня, которая, вероятно, была опосредована прозвищем. Значения, относящиеся к человеку ('болтун', 'хныкающий человек', 'бедняк' [СПФ: 107]), реконструируются в сопоставлении с семантикой возможных производящих лексем – *гунить* 'болтать', *гуня* 'верхняя одежда', 'ветхая одежда, рубище' [СлРЯ XI-XVII: IV, 159; СРНГ: VII, 236; СПФ: 107].

Как следствие, особую актуальность приобретает вопрос о **методике** реконструкции русской лексики исторического (письменного) периода.

К настоящему времени в отечественной лингвистике заявлено несколько таких методик. Часть из них основана на изучении лексического материала вне контекста (реконструкция на базе имен собственных): это методики реконструкции апеллативов на материале гидронимов (Г.П.Смолицкой), фамилий (Ю.И.Чайкиной), календарных имен (И.А.Кюршуновой) и методика воссоздания вторичных имен на основе топонимов (Е.Н.Поляковой). Помимо этого, в ряде работ осуществлялась реконструкция лексики с опорой на текстовые данные (восстановление В.В.Палагиной, Н.А.Шакурской, Ю.Ф.Денисенко словарного состава путем комплексного использования памятников письменности, юридических документов и материнских говоров определенного периода). В соответствующих работах учеными ставились разные цели и решались отличные от других задачи, привлекался несходный материал и реконструировалась лексика различных лексико-грамматических разрядов, тематических групп, разных периодов функционирования языка. Вследствие этого методики оказались в неодинаковой мере полными / подробными.

Приведем для сопоставления те из них, которые направлены на восстановление лексических единиц на основе ИС.

В небольшой статье Е.Н. Поляковой, посвященной источникам изучения вторичных имен прошлого, на материале топонимов предлагался «двойной анализ материала: исследование всех именованных как топонимов (установление происхождения топонимов, их структуры с тем, чтобы точно определить то вторичное имя, которое дало топоним); исследование уже непосредственно выявленных неполных и оценочных имен как антропонимов» [Полякова 1977: 66-67]. Как видим, данная методика направлена на воссоздание *формально* организованных лексических единиц (*лексическая* реконструкция).

Цель других методик – лексико-семантическая реконструкция.

Восстановление лексики на материале гидронимов по методу Г.П.Смолицкой предполагает учет следующих фактов: 1) наличие гидронима; 2) соотнесенность его с апеллятивом в русских народных говорах или в других славянских языках; 3) наличие аналогичного гидронима / гидронимии в бассейнах других рек; 4) соотнесенность гидронимии бассейнов других рек с апеллятивами языков или диалектов, распространенных в бассейнах этих рек [Смолицкая 1981: 116].

В методике воссоздания апеллятивов старорусского языка на материале вологодских фамилий Ю.И.Чайкиной учитывается следующее: 1) наличие фамилии, повторяемость ее в местной деловой письменности XVI-XVIII вв.; 2) соотнесенность прозвища, на основе которого возникла фамилия, с однокорневыми апеллятивами русского языка, зафиксированными в письменных источниках и исторических словарях; 3) соотнесенность прозвища с соответствующим апеллятивом в прямом значении или однокорневыми словами в вологодских или соседних с ними говорах; 4) соотнесенность прозвища с апеллятивом в переносном значении в говорах и литературном языке [Чайкина 1991: 41].

Суть методики реконструкции лексики донационального периода по данным некалендарных антропонимов И.А.Кюршуновой (разработанная с опорой на исследования Г.П.Смолицкой и Ю.И.Чайкиной) состоит в следующем: 1) выявление некалендарного имени в местной деловой письменности; 2) сопоставление данного антропонима с тождественным или близким в звуковом отношении апеллятивом; 3) определение возможного лексического значения у реконструируемого апеллятива: а) соотнесение части антропонимов с соответствующими апеллятивами в прямом значении: сопоставление с апеллятивами, зафиксированными в памятниках донационального периода; сопоставление с данными современных говоров; использование данных, сохранившихся в других славянских языках и диалектах; сопоставление с апеллятивами современного русского литературного языка; б) соотнесение части антропонимов с соответствующими апеллятивами в переносном значении (порядок сопоставления имен собственных с лексическими данными аналогичен представленному выше); 4) установление древнерусских и старорусских слов с учетом данных исторического словообразования [Кюршунова 1994: 6-7].

Изучение имеющихся наработок в этой области показывает, что, несмотря на значительное количество ономастических словарей и огромное количество статей, посвященных истории от-

дельных слов, случаи обращения исследователей к теоретической проблеме методологии с целью реконструкции лексики единичны. И это повышает значимость данных методик: благодаря им привлекается внимание к актуальной проблеме восстановления лексики предшествующих эпох, прежде всего лексики, ранее не фиксировавшейся.

Однако предложенные ономастологами определенные комплексы приемов и процедур, как видится, не лишены некоторых недочетов. Главным образом считаем неоправданно суженными познавательные возможности данных методик, так как область их применения ограничивалась авторами привлекаемым к каждому конкретному исследованию материалом (антропонимами, гидронимами, отыменными топонимами). Кроме того, важным фактором, предопределяющим специфику методик, стали решаемые авторами конкретные задачи. Так, например, на основе гидронимии Г.П.Смолицкой восстанавливалась преимущественно географическая терминология; И.А.Кюршуновой в качестве отдельных стадий работы были выделены частные аспекты реконструкции лексики на материале некалендарных антропонимов – восстановление апеллятивов в прямом и апеллятивов в переносном значении.

Однако все предложенные способы реконструкции слов, как можно заметить, включают общие позиции, в разной степени актуализированные при выделении этапов работы. Наиболее важными являются следующие: 1) фиксация ИС; 2) структурный анализ ИС; 3) анализ реконструируемой лексики: а) собственно реконструкция слова: выявление лексемы, мотивировавшей ИС; соотнесение лексемы с имеющимся фактическим материалом (с лексикой русского языка и родственных ему славянских языков, общерусской и диалектной, современной и древнерусской, старорусской и т.п.); определение возможного лексического значения апеллятивов; б) анализ полученных данных (фонологический, словообразовательный, морфологический, компонентный, тематический, функциональный и т.п.).

С учетом оговоренных теоретических посылок и имеющегося у автора статьи опыта реконструкций в отечественной лингвистике нами разработана методика реконструкции апеллятивов на основе ИС, обобщающая имеющиеся наработки, а также опыт и наблюдения автора статьи.

Отталкиваясь от идеи, что, лишь изучив общее, мы сможем перейти к частному, иными словами – лишь зная системные и специфические лингвистические и экстралингвистические (территориальные, исторические и т.п.) особенности материала, мы можем делать достоверные, верифицируемые выводы. Чрезвычайно важной

представляется поэтому необходимость изучить привлекаемый материал по возможности полностью, на всех языковых уровнях.

«Каждое название одновременно и отличает называемый объект от других, и объединяет его с однородными... Названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотношены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названия, необходимо прежде всего понять, что оно возникло не изолированно, а лишь в определенном ряду других названий» [Никонов 1965: 33, 34]. Так и изучаемые географические названия отдельных округов Уральской области, а теперь всего Пермского края – один из элементов **системы**, определенная часть ойконимии России. Поэтому они обладают как чертами, присущими русским ойконимам в целом (это, например, значительная часть формантов, некоторые структурные модели), так и чертами специфическими (отдельные структурные модели, большое количество субстратных элементов, отражение диалектных фонетических явлений типа чоканья, еканья, мены звуков и под.). Полная же характеристика изучаемых наименований позволила бы рассматривать их в рамках ойконимии Пермского края, а шире – системы топонимов России в целом.

В силу этого методика реконструкции лексики на базе онимов отражает *поступенчатое* освоение материала. Это диктует следующий план действий:

- 1) сбор и первичная обработка ИС;
- 2) анализ структуры ИС;
- 3) анализ производящих основ ИС;
- 4) анализ реконструируемых апеллятивов.

Каждый из этапов предполагает выполнение ряда значимых процедур, требующих специального комментария, который раскрывал бы специфику методики. Проиллюстрируем ее возможности на примере наименований поселений Пермского края.

1) **Сбор и первичная обработка ойконимов.** Данный этап подразумевает составление по возможности полного списка и картотеки наименований населенных пунктов и изучение особенностей материала. Помимо этого, необходимо рассмотреть фонетико-фонематических и графических особенностей исследуемых единиц.

На пермском материале специфика первичной обработки ойконимов определялась такими чертами:

а) Диалектные фонетические особенности. В географических названиях нашли отражение такие диалектные черты: еканье, чоканье, мена долгого мягкого *ш* на звук *ш* долгий твердый, мена *а* на *е* в позиции между мягкими согласными, переход начального *е* в *о*, устранение зияния

и др., ср.: *Тресунчиково* < пр. Трясунчик < *трясунчик ‘человек, страдающий приступами лихорадки либо эпилепсии’³; *Конеч-Бор*; *Семновщина*; *Печелева* < пр. Печель < *печель < печаль; *Омелина* < Омеля < Омельян < Емельян; *Ковурова* (ср. *Каурова*);

б) Диалектная особенность формообразования – стяжение в окончаниях прилагательных, ср.: *Заболотна*, *Середне*;

в) Морфонологические особенности (усечение / наращение основы), ср.: *Талачинский* < р. Талачик, *Астинский* < *Асна*;

Очень важно иметь возможность уточнять акцентологические особенности с целью различения омографов, ср.: *Вершины* и *Вершины*, *Долина* и *Долина*, *Пекин* и *Пекин*.

В силу важности для последующих шагов по реконструкции лексики необходимо учитывать особенности написания (орфографии), принятые в период фиксации названий населенных пунктов, по мере возможности выявлять опечатки, ошибки в передаче наименований в справочной литературе. Так, в «Списке населенных пунктов Уральской области» обнаруживаем: *Ваньчики*, *Выгорки*, *Дровяной*, *Карман-Чяпчельда*, *Конеч-Гор*, *Плоская*, *Птищина Гора*, *Разсольна*, *Уские* и т.п., где в одних случаях имеет место результат влияния местного диалекта, в других – соответствии принятым ранее нормам орфографии русского языка или языка-первоисточника, в некоторых же – просто опечатка.

Требуется помнить о возможных изменениях написания географических названий в справочниках различных лет. Ср. в «Списке...» в сопоставлении с предыдущими изданиями: *Байдыры* > *Байдары*, *Кудринская Казарма* > *Курьинская Казарма*, *Пужата* > *Пуржата*, *Селища* > *Семища*, *Усть-Волостница* > *Усть-Волосница*); по тем или иным причинам в перечне опечаток данные названия не значатся. Иногда изменения могли быть вызваны стремлением исправить ошибки, допущенные в предыдущих справочниках. Так, например, в «Списке населенных мест Пермской губернии» 1908 г. присутствует название *Кануар*, которое в справочнике 1928 г. зафиксировано как *Канцар*. На ошибочность первого варианта указывает тот факт, что деревня стояла на реке Канцар и существовало поселение *Канцарская*.

2) **Анализ структуры ойконимов.** Анализ предполагает скрупулезное изучение материала в аспекте структуры (на морфемном и синтаксическом уровнях), что позволяет с достаточной степенью аргументированности вскрыть исходную производящую основу (искомую лексему).

Изученные нами географические названия делятся на группы монолексемных и полилек-

семных наименований.

На основе анализа моноксемных ойконимов и ведущих лексем в составных именовании выделяется 10 основных способов образования ойконимов Пермского края, которые обозначены с опорой на теорию русского топонимообразования, разработанную Н.В. Подольской [см.: Подольская 1983]:

1. Аффиксация (суффиксация, префиксация, префиксация с плюрализацией, префиксация с усечением основы и меной суффиксов, конфиксация, нулевая аффиксация): *Заложная* < *залог 'местность за логом по отношению к населенному пункту' [СГТ: 125]; *Полужо́зья* < д. Козья; *Подгребни* < *гребень 'продолговатая вершина холма, горы' [СГТ: 99]; *Подды́мная* < *Дымники*, *Дымников*; *Подчерновский* < д. Чернова; *Салакай*.

2. Сложение (сложение, сложение с суффиксацией, сложение с плюрализацией): *Больше-Елтышева* < *Елтышева* < пр. Елтыш < *елтыш 'о ком-либо невысоком и полном' [СПГ: I, 247; СПФ: 124] < елтыш 'обрубок дерева, чурбан, толстое круглое неколотое полено' [СПГ: I, 247; СПФ: 124]; *Ново-Одинцовский* < *Одинцево* < пр. Одинец < *одинец волог., твер., горьк., свердл. 'единственный сын в семье', урал. 'одинокий, не имеющий семьи человек' [СРНГ: XXIII, 28-29; СПФ: 270].

3. Необоснованное сложение, или соположение (нумеративные, нумеративные с суффиксацией, нумеративные с плюрализацией, детерминативные): *Пятигор*, *Семибратова*, *Пятигоры*, *Меж-Шермейка*.

4. Плюрализация (плюрализация, аффиксальная плюрализация): *Бояра*; *Вани*; *Вятчана* < Вятка; *Гаревляна*, *Гаревчана* < *Гаревая*; *Кривчана*, *Кривчаны* < *Кривец*.

5. Субстантивация (субстантивация, субстантивация с плюрализацией): *Ближний*; *Низкое*; *Сороковая*; *Шальные* < пр. Шальной < *шальной 'отличающийся сумасбродством, взбалмошностью, безрассудный' [СлРЯ: IV, 699].

6. Аббревиация: (гипотетически) *Обрацат*, *Лаюкс*.

7. Эллипсизация (эллипсизация, эллипсизация с суффиксацией, эллипсизация с плюрализацией): *Аникина* < *Аникинский*, *Высокова* < *Высокопольская*, *Богомолы* < *Богомолы*;

8. Нарращение основы: *Ефимовичи* < *Ефимовы*, *Гуричев* < *Гуричи*, *Карасьева* < *Карасье*.

9. Мена суффиксов (мена суффиксов, мена суффиксов с плюрализацией): *Овчата* < *Овченков*, *Горожаны* < *Городок*.

10. Лексикализация грамматических форм слова: *Лягай*; *Борисовой*; *Попова*, *Новикова* и *Вилесова*; *Над Курьей*.

Полилексемные ойконимы представляют собой «двойные» названия либо словосочетания и строятся по следующим моделям:

а) согласованное определение + определяемое слово: *Вздорный Луг*, *Старый Рассек*, *Малый Урай*;

б) несогласованное определение + определяемое слово: *Поворот Жизни*, *Горяны У Паньковки*, *Жукова По Кемолю*, *Хутор На Юсьве*;

в) сращение: *Нов-Колоколов*, *Плоско-Парамонова*, *Стан-Брод*;

г) предложно-падежная конструкция: *За Сухим Логом*, *Под Высокой Горой*, *У Речки Завьяловки*;

д) предикативная конструкция: *В Единении Сила*, *Проснись Бедняк*;

е) комплексные: *Городищенские Хутора № 1, 2, 3, 4*; *Томаровское Отделение Грановской Школы Коммуны*.

3) **Анализ производящих основ ойконимов**. Ойконимы возникали в результате процессов взаимодействия апеллятивов с именами собственными, имен собственных между собой, а также лексем, имеющих разные источники происхождения. В нашем случае таковыми процессами являются:

а) онимизация (переход апеллятивов в класс ИС): *увал 'склон горы, оврага', 'вытянутая гора', 'вершина горы', 'коренной берег реки' [СПП: VI, 43; СПГ: II, 464; СГТ: 380] > *Увал*; *Долгая Битва*; *Трудолюбие*;

б) трансонимизация (переход в топоним имени собственного любого другого класса): *Питирим* > *Питей* > *Питеево*, *Питеевичи*; *Всесвятская*; *Петропавловское*; *Рождественская*;

в) транстопонимизация (переход топонима одного класса в другой): *Черная Речка*, *Безименный Ключ*, *Верх-Сызганка*, *Медная Гора*, *Америка*;

г) трансойконимизация как частный случай транстопонимизации: *Амбург*, *Берлин*, *Москва*, *Порт-Артур*;

д) заимствование: *Акчим*, *Лыз-Ыб*, *Туганай*, *Уштыгорт*, *Бушкашор*, *Шавляи*, *Карагай-Саз*.

Характер производящей основы необходимо учитывать в соответствии с целью исследования. Например, в процессе выявления апеллятивов такой подход требует исключать из сферы внимания топонимы, которые пережили процесс трансонимизации и являются вторичными наименованиями, а помимо этого, основы, представляющие собой иноязычные лексемы (не усвоенные русским языком) и личные именованные.

4) **Анализ реконструируемых апеллятивов**:

а) морфемный анализ апеллятива,

б) сопоставление апеллятива с зафиксиро-

ванными в специальной литературе лексемами, тождественными либо близкими по фонемно-графическому комплексу,

в) выявление гипотетической семантики.

Рассмотрим с этих позиций ойконим *Пахница*.

Анализ структуры данного названия населенного пункта позволяет выделить один из наиболее распространенных русских по происхождению формантов – суффикс -ин-. Данная морфема указывает на то, что производящая основа имеет окончание -а (-'а). На этом основании, помимо форманта -ин- и флексии -а, выделяется основа пахн'- и соответствующая производящая основа ойконима *пахня.

Далее, на этапе восстановления семантики реконструированного слова, лексема сопоставляется с данными существующих на сегодняшний день словарей. Обнаруживается, что лексема зафиксирована лишь в «Словаре русских народных говоров» в составе идиомы «сбить с пахней» в значении 'сбить с толку' [СРНГ: XXV, 291]. Ср. также в пермских говорах: *сбить с пахтей* 'сбить с толку' [Прокошева 2002: 321].

Затем проводится анализ структуры восстановленного слова. В сопоставлении со словами типа *ступня* (< *ступать), *клешня* (< *клещи) в слове *пахня* гипотетически выделяется, кроме оговоренной флексии -а, суффикс -н'- и корень -пах-, что позволяет соотнести данную языковую единицу с лексемой «пах» – 'область между бедром и нижней частью живота', «паховый», «пахóвый» – 'прилагательное к *пах*' [СлРЯ: III, 34, 35].

В итоге делается предположение, что значение реконструированного слова *пахня – 'нога', а первоначальная семантика идиомы «сбить с пахней» – 'сбить с ног'.

Далее, в пермских памятниках письменности XVII в. зафиксировано прозвище или некалендарное имя Пахорук [СПП: VI, 172]. В современных пермских говорах зафиксированы лексемы *пахорукий* 'неловкий', 'имеющий большие или слабые руки', *пахоручка* 'женщина с большими или слабыми руками' [СПГ: II, 80], обладающие ярко выраженной экспрессивной окраской (пренебрежительности, снисходительности). Кроме того, присутствующий в слове *пахня* суффикс -ня существует в современном русском языке, причем как аффикс, придающий оттенок уничижения, пренебрежения и т.п., ср.: *малышня, солдатня, матросня, болтовня, грызня, брехня* и т.п. Это позволяет предположить, что для лексемы *пахня* была характерна аналогичная окраска.

Последующий анализ реконструированной лексики (систематизация лексики в соответствии

со степенью верифицируемости, тематическая, словообразовательная, выявление в реконструированной лексике этнокультурных кодов, специфики языковой картины мира номинаторов, изучение концептов и т. п.) осуществляется в соответствии с частными задачами конкретного исследования.

Подведем итоги.

1. Возможности метода реконструкции не ограничиваются областью этимологических изысканий, но распространяются также на историко-лексикологические исследования.

2. Применительно к диахронической лингвистике, в отличие от этимологии, требуется двойное понимание термина «реконструкция»: в узком смысле это воссоздание *незасвидетельствованных* фактов языка, в широком – восстановление и зафиксированных в отдельных источниках, и не зафиксированных, но существовавших языковых единиц.

3. В процессе реконструкции лексики возникают различного рода проблемы. Все они так или иначе сводятся к наиболее важной проблеме достоверности реконструкции. Проблемы разрешимы, и восстановление лексики представляется возможным.

В целом необходимо учитывать по возможности все факторы лингвистического и экстралингвистического плана, поскольку это отражается на интерпретации реконструируемых языковых единиц.

4. Как источник историко-лексикологических сведений особенно значимы ИС. На практике метод реконструкции апеллятивов на их базе активно используется историками языка, результаты таких исследований отражены в многочисленных статьях и словарях. Однако в научной литературе, существующей на настоящее время, насколько нам известно, заявлено лишь 4 методики, способствующие лексической либо лексико-семантической реконструкции апеллятивов на материале топонимов, гидронимов, фамилий, некалендарных антропонимов.

5. С учетом имеющихся наработок и опыта исследования названий населенных пунктов Пермского края по данным 1928 г. нами разработана обобщенная методика реконструкции апеллятивной лексики на материале ИС, в нашем случае – на базе ойконимии. Предлагаемая методика включает четыре основных этапа работы, каждый из которых подразумевает выполнение ряда процедур:

- 1) сбор и первичная обработка ИС;
- 2) анализ структуры ИС;
- 3) анализ производящих основ ИС;
- 4) анализ реконструируемых апеллятивов.

Каждый из этапов требует выполнения ряда специфических процедур.

6. Предложенная методика не является единственно возможной. Необходимо продолжить работу, нацеленную на уточнение, оттачивание теоретических посылок исследований по реконструкции лексики на материале ономастики.

7. Работа по реконструкции лексики отдельных этапов истории языка с помощью соответствующего метода представляется насущно необходимой. Если в рамках компаративистики восстанавливается древнейшее состояние языка, если представителями синхронической лингвистики издаются и переиздаются десятки словарей, печатаются тысячи научных работ, то старорусский язык (язык Московской Руси, конца XIV-XVI вв.), язык становления русских как нации (XVII века), язык послепетровской эпохи (XVIII века) еще нуждается в тщательном изучении.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (РНП 2.1.3/483, РНП 2.1.3/2175), РГНФ (проекты №№ 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У, 09-04-82403 а/У).

² См. также: [Кюришунова 1995].

³ В качестве иллюстраций, повторимся, привлечены названия населенных пунктов Пермского края по наиболее полным данным 1928 г. Примеры могут содержать следующие элементы: 1) ойконим, выделенный курсивом, 2) слово (слова), опосредующее (опосредующие) проникновение апеллятива в ойконимию, 3) за знаком астериска (*) реконструированная лексема (элементы могут также располагаться в обратном порядке). Пример может включать несколько названий одного поселения, и в этом случае каждый из ойконимов подчеркнут одной линией. Иллюстрации включают гипотетически определяемую дефиницию, однако восстановленные общеизвестные лексемы дефинициями обычно не сопровождаются.

Использованные сокращения

волог. – вологодское
горьк. – горьковское
пр. – прозвище
свердл. – свердловское
урал. – уральское

Список литературы

Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1958.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М.: Диамант, 1997.

Кара Д. История языка, письменности и письменных памятников // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции / Н.З. Гаджиева, В.К. Журавлев, М.А. Кумахов и др. М.: Наука, 1988. С. 113-119.

Кюришунова И.А. О степени надежности реконструкции лексики по данным ономастики // Вопросы региональной лексикологии и ономастики: Межвуз. сб. науч. тр., посвященный семидесятилетию профессора Ю.И. Чайкиной. Вологда: Русь, 1995. С. 75-80.

Кюришунова И.А. Славянская антропонимия Карелии XV-XVII веков в связи с реконструкцией лексики донационального периода: автореф. дис. ... канд. филол. н. Вологда, 1994.

Нерознак В.П. Реконструкция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 409-410.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965.

Полякова Е.Н. Источники изучения русских неполных и оценочных имен прошлого // Русская ономастика: Республиканский сборник / отв. ред. проф. В.Д. Бондалетов. Рязань, 1977. С. 65-69.

Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. (СГТ).

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. (СПФ).

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

Словарь пермских говоров: В 2 вып. Пермь: Книжный мир, 2000-2002. (СПГ).

Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века / сост. Е.Н. Полякова: В 6 вып. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-2001. (СПП).

Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т русского языка, словарный сектор. Л.; СПб.: Наука, 1965-2007. Вып. 1-40. (Продолжающееся издание). (СРНГ).

Словарь русского языка: В 4-х томах. М.: Русский язык, 1981-1984. (СлРЯ).

Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1975-2000. Вып. 1-26. (Продолжающееся издание.) (СлРЯ XI-XVII).

Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (Проблемы реконструкции): дис. ... д. филол. н. М., 1981.

Трубачев О.Н. Заметки по славянской ономастике // *Onomastica Jugoslavica* 9, 1982.

Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // *Этимология* 1991-1993. М., 1994. С. 3-23.

Трубачев О.Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции / Н.З. Гаджиева, В.К. Журавлев, М.А. Кумахов и др. М.: Наука, 1988. С.

THE RECONSTRUCTION METHOD OPPORTUNITIES IN THE HISTORICAL-LEXICOLOGICAL RESEARCH

Mariya V. Bogacheva

**Assistant Professor of Russian Language Department
Perm State Pedagogical University**

In the article the problem of methodology in the diachronic lexicology is considered. Stated in Russian historical linguistics the vocabulary reconstruction methods, developed for different material and considered by the author of this article as words reconstructions methods, are analysed. The vocabulary reconstruction method on the basis of proper names, that summarises existing results and also experience and observations of the author of this article, is suggested. By the example of Perm Kray oikonimia the stages of reconstruction are commented, the method opportunities are discovered.

Key words: reconstruction; historical lexicology; onomastics.